

УДК 16

DOI:

10.15372/PS20190308

А.Ю. Нестеров**СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
(на примере рецептивной эстетики и философии техники)***

В статье рассматривается проблема неопределенности интерпретации в коммуникации и теории познания. Под интерпретацией понимается исполнение семантического правила семиозиса (референция, связь между смыслом и значением знака как способом задания объекта знаковым средством и самим объектом, процедура обозначения, денотации и т.д.). Под неопределенностью в герменевтическом смысле понимается ситуация непонимания, в эпистемическом – ситуация знания о незнании, в смысле теории деятельности и философии техники – ситуация выражения. Метод исследования – семиотическое моделирование. Рассматриваются коммуникативный семиозис в теории литературы на примере возникновения и разработки проблемы неопределенности в рецептивной эстетике и семиозис процесса познания в рецептивном и проективном направлениях на примере акта изобретательской технической деятельности. Тезис, выносимый на обсуждение, заключается в том, что применение индексальных, иконических и символических оснований для снятия неопределенности осуществляется по-разному в рецептивном и проективном семиозисах (для коммуникативных позиций говорящего и слушающего) и подразумевает обращение к некоммункативным (эпистемическим) формам семиозиса. Теория деятельности, представленная, например, философией и семиотикой техники, демонстрирует метод полного снятия неопределенности интерпретации, на фоне которого могут быть построены модели объектов с ограниченной определенностью. В статье формулируется гипотеза о том, что исполненный технический объект полностью снимает неопределенность интерпретации в проективной деятельности, удовлетворяя требованию понимания М. Мерсенса; неопределенность коммуникативного процесса является неснимаемой и требует исследований дескриптивного и прескриптивного употреблений индексов, икон и символов для обозначения гипотез, представлений и объектов.

Ключевые слова: неопределенность; интерпретация; коммуникация; технический объект; индекс; икона; символ; семиотика; семиотическое моделирование; проективный семиозис

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01376 (18-00-00760) КОМФИ.

A.Yu. Nesterov

**SEMANTIC STRATEGIES OF GETTING OVER
UNCERTAINTY OF INTERPRETATION
(the case of receptive aesthetics and philosophy of technology)**

The article deals with the problem of the uncertainty of interpretation in communication and the theory of knowledge. We understand interpretation as following a semantic rule of semiosis (i.e. reference, the relationship between the sense and meaning of a sign as a method of specifying an object by symbolic means and an object itself, procedures of designation, denotation, etc.). We understand uncertainty as a situation of misunderstanding in the hermeneutical sense, as a situation of knowledge about ignorance in the epistemic sense, and as a situation of expression in the sense of the activity theory and philosophy of technology. Our research method is semiotic modeling. The article considers the communicative semiosis in the literary theory in relation to the emergence and development of the problem of uncertainty in receptive aesthetics and the semiosis of the cognition process in the receptive and projective directions in relation to the act of inventive technical activity. The thesis brought forward for discussion is that the use of indexical, iconic and symbolic grounds for eliminating uncertainty is appreciably different in the receptive semiosis and projective one (for communicative positions of the speaker and the hearer) and involves referring to non-commutative (epistemic) forms of semiosis. The activity theory, when represented, e.g., by philosophy and semiotics of technology, demonstrates a method of complete elimination of the uncertainty of interpretation, against the background of which models of objects of the limited certainty can be built. The hypothesis is formulated that the executed technical object completely eliminates the uncertainty of interpretation in projective activity, complying with M. Mersenne's requirement concerning understanding; the uncertainty of the communicative process cannot be eliminated and calls for studying the descriptive and prescriptive use of indices, icons and symbols for designating hypotheses, representations and objects.

Keywords: uncertainty; interpretation; communication; technical object; index; icon; symbol; semiotics; semiotic modeling; projective semiosis

Понятие интерпретации в теории коммуникации является семантическим и описывает ситуацию воссоздания условий истинности высказывания на основании анализа способа его данности. В акте интерпретации реципиент сообщения реконструирует значения на основании смыслов текста, т.е. воссоздает свой опыт использования употребленных в тексте слов и предложений для описания и выражения тех или иных положений дел. Неопределенность интерпретации – сущностное свойство акта коммуникации: индивидуальное сознание в актах прямого и косвенного познания остается несообщаемым едва ли не в том же смысле, в каком объект противостоит типу или понятию, значение – предложению, идея – ее воплощению и т.п. Получатель сообщения в акте интерпретации имеет дело с некоторым множеством кодов, которые, будучи правильно распознанными и встроенными в процедуры познания, позво-

ляют ему на основании личного опыта по аналогии сделать заключение о том, с какими объектами, процессами или состояниями имел дело автор или отправитель, выражая их в сообщении.

Неопределенность интерпретации в истории герменевтики фиксируется в качестве проблемы понимания. Проблематичность перехода от знака к его значению в процессе воссоздания речи другого субъекта вызывает к жизни техники и стратегии понимания, часто требующие от субъекта понимания перестройки системы собственных кодов. Накопленные в этой области результаты [3; 7] говорят о том, что акт понимания – это процесс репрезентации, представления одного содержания другим, выходящий за рамки коммуникации как процесса обмена знаками и требующий анализа полного спектра процедур познания и деятельности, вызываемых к жизни ситуацией непонимания.

В герменевтической перспективе неопределенность – это непонимание, в эпистемологической – это знание о незнании, в перспективе теории деятельности и теории развития – это проблема выражения. Снятие неопределенности – это соответственно достижение понимания в терминах определений той или иной традиции герменевтики, достижение знания о знании в той или иной традиции теории познания, осуществление нового в той или иной практической деятельности.

В трансценденталистской онтологии сознания, исходящей из противопоставления восприятия, рассудка и разума, проблема неопределенности возникает при наложении друг на друга систем чувственного восприятия и рассудка. Рассудок как intersубъективная форма сознания, выраженная набором языков, которыми осознанно или неосознанно владеет субъект, позволяет формулировать системы (фантасмы и теории), элементы которых представлены в виде слов, предложений и текстов. Чувственное восприятие как субъективная форма сознания, представленная через органы чувств, является средой тех картин или образов, которые в ситуациях коммуникации, допускающих эмпирическую проверку, оказываются исполнением (подтверждением, обозначением) элементов систем рассудка в качестве значений, объектов, фактов или условий истинности. Проблема неопределенности онтологически возникает в связи с несовпадением количества элементов рассудка и количества элементов чувственного восприятия, в связи с различающимися принципами комбинаторики и непроявленным характером собственно интерпретации как референции от элемента рассудка к элементу чувственного восприятия. Неопределенность маркирует проблему применения разума как такой формы сознания, которая (либо рефлексивно, либо рефлексив-

но) позволяет зафиксировать референцию как связь между «словом» и «вещью» и изменить ее тем или иным способом.

Методология настоящего рассуждения носит семиотический характер. Трансцендентальная семиотика исходит из того, что каждая из форм сознания представляет собой знаковый процесс (семиозис), т.е. единство семантических, синтаксических, прагматических правил и среды их материальной реализации [7; 8]. Знак, относительно которого возникает неопределенность (непонимание в виде знания о незнании подлежащего к применению правила), относится к слою либо чувственного восприятия, либо рассудка, либо разума; неопределенность имеет отношение либо к значению знака (семантика), либо к его способу данности (синтактика), либо к условию его интерпретируемости (прагматика), либо к способу его материальной данности (материя знака). Таким образом, имеют место 12 различных форм неопределенности, преодоление которых связано с взаимодействием рецептивного и проективного семиозисов.

Задача настоящего рассуждения – прояснение понятия неопределенности и способов применения семантического правила в проективном коммуникативном семиозисе. Разница между рецептивным и проективным семиозисами заключается в следующем. Общие цели деятельности человека в акте познания носят рецептивный, субъективирующий характер и ориентированы на формирование средствами рассудка адекватной, истинностной модели среды, элементом которой человек является. Общие цели проективной, объективирующей, технической деятельности человека ориентированы на изменение среды, на создание новых: теорий, конструкций и объектов. Проективный семиозис опирается либо на неосознаваемые рефлексy, врожденные человеку или накопленные им в течение жизни, либо на результаты познания, извлеченные из наблюдения, экспериментального диалога с природой, коммуникации. Рецептивный и проективный семиозисы выражаются в метафоре круга в том смысле, что одно невозможно без другого: познание невозможно без действия, а действие – без познания. В конечном счете это лишь условные направления знакового процесса, фиксируемые интерпретантой в оппозиции «знак – фон».

Неопределенность интерпретации – это проблема применения семантического правила коммуникативного семиозиса, возникающая вследствие несовпадения смысла и значения знака, способа обозначения и обозначаемого объекта. Ч.У. Моррис [6] вслед за Ч.С. Пирсом [9; 18] выделяет три способа соотнесения смысла и значения: индекс, икону

и символ. Тезис, выносимый на обсуждение, заключается в том, что применение индексальных, иконических и символических оснований для снятия неопределенности осуществляется по-разному в рецептивном и проективном семиозисах (для коммуникативных позиций говорящего и слушающего) и подразумевает обращение к некомуникативным (эпистемическим) формам семиозиса. Теория деятельности, представленная, например, философией и семиотикой техники, демонстрирует метод полного снятия неопределенности интерпретации, на фоне которого могут быть построены модели объектов с ограниченной определенностью.

В исследованиях по рецептивной эстетике и философии науки проблема неопределенности и ее решения представлены, как правило, в рецептивном ключе. Исходной моделью является сформулированная Р. Ингарденом теория литературного художественного произведения, в которой впервые появляется концепция «мест неопределенности» и «конкретизации», получившая в эстетике и теории текста XX в. развитие в виде моделей анализа фикционального (художественного) текста через «пустые места», «чужое слово», «нарушение ожиданий» и т.д. [15]. Художественное произведение есть текст, не указывающий ни на какое объективно существующее в чувственном восприятии читателя положение дел, содержащий в силу своей маркированной вымысленности неопределенность, которая снимается читателем в акте чтения и подразумевает автора в виде необходимого коррелята деятельности понимания, осуществляемой читателем. Р. Ингарден пишет: «Место такого изображенного предмета, о котором на основании текста нельзя точно узнать, как он определяется, я называю “местом неопределенности”» [16, p. 50]; «Невозможно с помощью конечного числа слов или предложений однозначным и исчерпывающим образом установить бесконечное многообразие свойств индивидуальных, изображенных в произведении предметов, какие-то свойства необходимо должны отсутствовать» [Ibid.]. И далее: «”Конкретизацией” изображенных предметов я называю дополняющее определение» [16, p. 52].

«Конкретизация» – это удвоение средствами воображения чувственного восприятия читателя. Оно необходимо постольку, поскольку художественные тексты не являются наборами суждений в собственном смысле слова. Р. Ингарден формулирует тождественную подходу раннего Р. Карнапа [13] модель квазисуждений, в которой предложения художественного текста, используя естественные языки в качестве материала, оказываются свободны от семантических ограничений и используют последние лишь в качестве элементов игры, двойного и тройного озна-

чивания. Ю.М. Лотман впоследствии назовет наборы такого рода предложений «вторичными моделирующими системами» [5].

Анализ модели «конкретизации» художественного произведения Р. Ингардена В. Изером показывает преимущественно эпистемологический характер концепции «мест неопределенности»: «Конкретизация есть только актуализация потенциальных элементов произведения, но не интеракция текста и читателя» [17, p. 279]. Его собственная модель «пустых мест» является коммуникативной и подразумевает, что «пустые места обозначают не столько недостаток определенности интенционального предмета или схематизированной системы взглядов, сколько исполнимость (Besetzbarkeit) определенного системного места в тексте представлением читателя» [17, p. 284]. Синтаксис текста является моделью, на основании которой осуществляются семантические правила. Акт коммуникации текста и читателя представляет собой наложение синтаксических правил, приводящее к формированию нового «эстетического предмета», который, в свою очередь, встраивается в эпистемические процедуры реципиента. Инструмент фикциональной (эстетической) коммуникации – трансформация структуры темы и горизонта, переднего и заднего плана, темы и ремы и т.п., ее результат – изменение рефлексивных установок читателя: норм, целей и ценностей, т.е. прагматического правила, которым руководствуется реципиент в акте чтения.

Неопределенность интерпретации художественной коммуникации частично снимается актом чтения сложноорганизованного художественного текста. Не только причинно-следственные взаимосвязи, конвенции и подобию, управляющие семантическим правилом, но и синтаксис форм рассудка, даже в целом прагматические условия интерпретируемости коммуникативных знаков могут быть переопределены актом чтения (растворением горизонтов говорящего и слушающего, если использовать язык Г.Г. Гадамера [14]). Художественная коммуникация, описываемая в терминах теоретического обоснования оценок, тем не менее остается апелляцией к определенной, в историческом плане всегда предельно конкретной норме: семантическое, затем синтаксическое и наконец прагматическое отрицание нормы составляет основу исторического развития художественных форм.

Стратегия символического применения семантического правила заключается в апелляции к зафиксированной лексическими словарями конвенции относительно слова как способа задания объекта и самого объекта. Неопределенность интерпретации – в том, что никакое множество слов и предложений об объекте не позволит читателю пережить

этот объект на основании слов и предложений. Свобода художественной коммуникации – в том, что конвенция может быть произвольным образом переосмыслена автором и не является надежной, что влечет типические требования к историко-филологической процедуре истолкования или понимания.

Стратегия иконического применения семантического правила заключается в апелляции к подобию, возникающему между смыслом и значением. Неопределенность интерпретации – в том, что само подобие в виде индуктивного базиса должно быть извлечено из опыта прямого или рефлексивного переживания или из культурно-исторической нормы, которые, в свою очередь, отсылают к ненадежной конвенции по поводу символов. Художественная свобода – в том, что автор не ограничен задачей описания воображения, но волен создавать мир, где изображенные вещи похожи на слова и образы, а не наоборот, что влечет требования к соразмерности уровня фантазии и рефлексии говорящего и слушающего (принцип конгенитальности).

Стратегия индексального применения семантического правила заключается в апелляции к причинно-следственной связи между смыслом и значением знака. Как таковая, эта связь характеризует соотношение объектов в чувственном восприятии человека и едва ли применима для характеристики референции слов, предложений и текстов. Неопределенность интерпретации в этой стратегии в известном смысле удваивается: конвенционально-символически и иконически определенные значения коммуникативных знаков оказываются способами данности значений, достраиваемых чувственным восприятием на основании той или иной теории. Такого рода неопределенность литературоведы описывают как «несказанное сказанного текстом», выражая тем самым способность художественного текста воздействовать на цели, ценности и нормы культуры.

Вполне очевидно, что снятие неопределенности интерпретации средствами только рецептивного семиозиса как такового невозможно. В жесткой логической схеме процедуры объяснения и понимания описываются как подведение под образец, закон и ценность соответственно [2], однако откуда, собственно, берутся образцы, законы, ценности, теории или хотя бы нормы? Неснимаемая семантическая неопределенность художественной коммуникации описана в обширной литературоведческой и философской литературе, резюмировать общее положение дел можно так: художественный текст в качестве набора квазипредложений, в качестве вторичной моделирующей системы в смысле Ю.М. Лотмана

порождает условия своей интерпретируемости. На фоне семантической проблемы в акте чтения возникают (либо перестраиваются) прагматические предпосылки коммуникации, которые И.И. Лапшин [4] описывает как фантазмы, позволяющие осуществлять индексальные, иконические и символические правила. В более прозрачном языке философии науки для резюме можно использовать тезис К.Р. Поппера [19] о том, что постановка проблемы вынуждает к построению теории, влекущей пересмотр условий интерпретируемости тех положений дел, которые привели к проблеме.

Художественная коммуникация – это простейший случай коммуникации, не связанной ограничениями научного метода или технической целереализации. Структура нефикциональной коммуникации более сложна, она включает в себя все элементы эстетической коммуникации, а к ним добавляется требование истинности, теоретической и эмпирической обоснованности. Если цель коммуникативного взаимодействия – не эстетический эффект остранения восприятий и представлений, но сдвиг границ представимого и возможного, позволяющий решить те или иные проблемы участников коммуникации, то изменение прагматического правила, достигаемое в результате коммуникации, влечет изменения в структуре практической технической деятельности. В теории творчества разница между фикциональной и нефикциональной коммуникациями удачно описал И.И. Лапшин, говоря о первой как о деятельности поэта и художника, а о второй – как о деятельности ученого и философа: «Фантазия философа отличается от фантазии художника тем, что он комбинирует не образы, а мысли, хотя и через посредство образов и символов, каждая из этих мыслей входит в упорядоченное логическое единство и все мысли, сочетаемые его творческой фантазией, направлены к известной всеобъемлющей цели» [4, с. 92].

Нефикциональная коммуникация ориентирована на достижение истинности в корреспондентном смысле, в виде исполнения употребленных в тексте предложений в отношении того или иного существующего положения дел. Нефикциональная коммуникация стремится к снятию неопределенности, в этом заключается ее фундаментальное отличие от фикциональных способов употребления языка. Правовые, технические, экономические и прочие регламенты накладывают чрезвычайно жесткие ограничения на интерпретацию, апеллируют к ясно выраженной и не допускающей неопределенности норме. Задача нефикционального акта коммуникации с позиции реципиента – избежать неопределенности, т.е. за счет прагматических, синтаксических и семантических маркеров так

строить коммуникативные значения в процессы познания, чтобы использовать конкретную прагматическую норму, относящую слова и предложения к строго определенным объектам и положениям дел.

И фикциональная, и нефикциональная коммуникация содержит неопределенность. Акт интерпретации и там, и там включает в себя взаимодействие коммуникативных знаков и некоммуникативных структур познания. Снятие неопределенности как применение семантического правила осуществляется в ситуации «семиотического круга», включающего сложное взаимодействие рецептивных и проективных механизмов.

Проективный семиозис, выражаемый в трансценденталистской онтологии сознания, подразумевает обращение ступеней познания: если рецептивный семиозис начинается с чувственного восприятия, продолжается рассудочными языковыми схемами и завершается выявлением референции в акте рефлексии, то проективный семиозис берет начало в рефлексивном образе, выражается в текстах на естественных или искусственных языках и завершается построением нового чувственно воспринимаемого технического объекта. Впервые структуру проективного семиозиса в виде теории творчества и философии техники описал П.К. Энгельмейер [11; 12]. Его формулировки обобщаются в модели так называемого «трехакта», согласно которой всякий творческий процесс осуществляется на первом шаге в качестве идеи (гипотезы, предположения), на втором – в качестве модели (конструкции, представления, схемы), на третьем – в качестве исполнения (нового объекта, предмета, процесса, состояния). Немецкий классик философии техники Ф. Дессауэр [1] выразил мысль о ступенчатом характере технического творчества в концепции трех формообразующих способностей человека: *homo investigator*, *homo inventor*, *homo faber*.

Коммуникативные структуры, выраженные в предложениях и текстах, в акте интерпретации соотносятся с некоммуникативными эпистемическими структурами сознания: в акте рецепции тексты и предложения являются рассудочным описанием тех или иных положений дел, в акте проекции – рассудочным предписанием, на основании которого должно быть осуществлено то или иное пока еще отсутствующее положение дел. Формы герменевтики подразумевают формы риторики, неопределенность интерпретации оказывается связанной с онтологическим статусом обозначаемого или создаваемого объекта. Процесс снятия неопределенности в акте коммуникации должен рассматриваться на фоне полного акта технической деятельности, задействующего все доступные человеку ступени сознания. Именно такой смысл может быть извлечен

из часто цитируемого в философии техники высказывания М. Мерсенна о том, что понять что-то – значит суметь это создать [10, с. 191], равно как и из высказывания П.К. Энгельмейера о том, что открыть – значит изобрести мысль [11, с. 7].

Неопределенность как знание о незнании в некомуникативных ситуациях снимается технически, путем создания нового знания. Наиболее отчетливо этот процесс снятия неопределенности может быть показан на примере оппозиции естественных и искусственных объектов: замещение естественного объекта искусственным в акте познания и есть процедура достижения полного понимания, включающая в себя акт технического творчества.

Коммуникативные ситуации более сложны для анализа в силу их принципиальной неполноты относительно ситуаций познания. Акты познания и технического творчества выражаются в полных технических объектах, включающих теории, представления и собственно объекты. Акты коммуникации выражаются в неполных технических объектах, включающих в случае искусства только представления в виде образов и фантаسمов, в случае нефикциональной (научной или деловой) коммуникации – теории и представления. Нефикциональная коммуникация, управляя неопределенностью, оперируя структурой темы и горизонта и стремясь к результату в виде трансформации сегментов опыта (памяти) читателя, выстраивается относительно теорий, относительно представлений и относительно явлений. Соответственно различаются и механизмы обоснования истинности: исполнение «пустых мест» осуществляется реципиентом в форме либо новой гипотезы (аргумента), либо нового представления (конструкции), либо нового явления (исполнения в узко-техническом смысле).

Обсуждение результатов исследования связано с тем, что нефикциональная коммуникация для частичного преодоления неопределенности интерпретации требует анализа способа соотнесения смысла и значения для дескриптивного и прескриптивного обозначения гипотез, представлений и объектов. Это самостоятельная сложная задача герменевтики, риторики и методологии науки.

Литература

1. Дессаур Ф. Спор о технике. – Самара, 2017.
2. Ивин А.А. Основы теории аргументации. – М., 1997.
3. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М., 1991.

4. *Латишин И.И.* Философия изобретения и изобретение в философии. – М., 1999.
5. *Лотман Ю.М.* Об искусстве. – СПб., 1998.
6. *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – Москва; Екатеринбург, 2001. – С. 45–97.
7. *Нестеров А.Ю.* Семиотическая схема познания и коммуникации. – Самара, 2008.
8. *Нестеров А.Ю.* Семиотические основания техники и технического сознания. – Самара, 2017.
9. *Пирс Ч.С.* Рассуждение и логика вещей: Лекции для Кембриджских конференций 1898 года. – М., 2005.
10. *Рополь Г.* Техника как противоположность природы // Философия техники в ФРГ. – М., 1989. – С. 203–221.
11. *Энгельмейер П.К.* Теория творчества. – М., 2010.
12. *Энгельмейер П.К.* Философия техники. – СПб., 2013.
13. *Sartar R.* Scheinprobleme in der Philosophie und andere metaphysikkritische Schriften. – Hamburg, 2005.
14. *Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. – Tübingen, 1990.
15. *Ingarden R.* Das literarische Kunstwerk. – Tübingen, 1960.
16. *Ingarden R.* Vom Erkennen des literarischen Kunstwerks. – Tübingen, 1968.
17. *Iser W.* Der Akt des Lesens. – München, 1994.
18. *Nöth W.* Handbuch der Semiotik. – Stuttgart, Weimar, 2000.
19. *Popper K.R.* Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. – Oxford, 1979.

References

1. *Dessauer, F.* (2017). Spor o tehnike [A Debate on Technology]. Samara. (In Russ.).
2. *Ivin, A.A.* (1997). Osnovy teorii argumentatsii [Fundamentals of the Theory of Reasoning]. Moscow.
3. *Kuznetsov, V.G.* (1991). Gernenevtika i gumanitarnoe poznanie [Hermeneutics and Knowledge in the Humanities]. Moscow.
4. *Lapshin, I.I.* (1999). Filosofiya izobreteniya i izobreteniya v filosofii [Philosophy of Invention and Invention in Philosophy]. Moscow.
5. *Lotman, Yu.M.* (1998). Ob iskusstve [On Arts]. St. Petersburg.
6. *Morris, Ch.W.* (2001). Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the sign theory]. In: Stepanov, Yu.S. (Comp.). Semiotika: Antologiya [Semiotics: Antology]. Moscow; Ekaterinburg, 45–97. (In Russ.).
7. *Nesterov, A.Yu.* (2008). Semioticheskaya skhema poznaniya i kommunikatsii [Semiotic Scheme of Cognition and Communication]. Samara.
8. *Nesterov, A.Yu.* (2017). Semioticheskie osnovaniya tekhniki i tekhnicheskogo soznaniya [Semiotic Foundation of Technology and Technical Consciousness]. Samara.
9. *Peirce, C.S.* (2005). Rassuzhdenie i logika veshchey: Lektsii dlya Kembridzhskikh konferentsiy 1898 goda [Reasoning and the Logic of Things: The Cambridge Conferences Lectures of 1898]. Moscow. (In Russ.).
10. *Ropol, G.* (1989). Tekhnika kak protivopolozhnost prirody [Technology as opposed to nature]. In: Filosofiya tekhniki v FRG [Philosophy of Technology in Western Germany]. Moscow, 203–221. (In Russ.).
11. *Engelmeyer, P.K.* (2010). Teoriya tvorchestva [Theory of Creativity]. Moscow.
12. *Engelmeyer, P.K.* (2013). Filosofiya tekhniki [Philosophy of Technology]. St. Petersburg.

13. *Carnap, R.* (2005). *Scheinprobleme in der Philosophie und andere metaphysikkritische Schriften*. [Pseudo-problems in Philosophy and Other Metaphysical-Critical Writings] Hamburg. (In Germ.).
14. *Gadamer, H.G.* (1990). *Wahrheit und Methode* [Truth and Method]. Tübingen. (In Germ.).
15. *Ingarden, R.* (1960). *Das literarische Kunstwerk* [A Literary Work of Art]. Tübingen. (In Germ.).
16. *Ingarden, R.* (1968). *Vom Erkennen des literarischen Kunstwerks*. [From the Recognition of the Literary Work of Art]. Tübingen. (In Germ.).
17. *Iser, W.* (1994). *Der Akt des Lesens* [The Act of Reading]. München. (In Germ.).
18. *Nöth, W.* (2000). *Handbuch der Semiotik* [Handbook on Semiotics]. Stuttgart & Weimar. (In Germ.).
19. *Popper, K.R.* (1979). *Objective Knowledge: An Evolutionary Approach*. Oxford.

Сведения об авторе

Нестеров Александр Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, (443086, Самара, Московское шоссе, 34, Россия, aynesterow@yandex.ru)

Information about author

Nesterov Alexander Yurievich. – Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, S.P. Korolev Samara National Research University, (34, Moskovskoe road, 443086, Samara, Russia, aynesterow@yandex.ru)

Дата поступления 12.08.2019